

Передо мной стояла девушка.

У неё были чёрные как смоль волосы и яркие фиалковые глаза. Она носила походную одежду - подходящую дочери авантюрного торговца. Или, возможно, странствующей артистке, с её туникой на пуговицах и кожаным поясом на талии. Я бы не узнал её, если бы не увидел её улыбку.

Я знал только одного человека, который умел так улыбаться. Это была она.

Аами. Она провела рукой по моей макушке, приглаживая волосы, растрепавшиеся за неделю непрерывной работы.

«Хочешь обняться?» - спросила она, и я улыбнулся ей усталой улыбкой.

«Я ещё не настолько истощён,» - ответил я. Я поднялся на ноги и протянул ей руку. Она взяла её и встала. «Как ты узнала, что я покинул лабораторию?»

«Я не знала,» - пожала она плечами. Аами не отпустила мою руку, а потянула меня вперёд, ведя по коридору. Она усмехнулась: «У меня просто появилось ощущение, что кто-то снова стал хмурым.»

«Ты опять оставила на мне кусочек, не так ли?»

«...Прости.»

Улыбаясь, Аами постучала пальцем по моей руке. Маленькая масса чёрной слизи выползла из моего рукава и слилась с её рукой, полностью исчезнув. Она почесала пальцем щеку.

«Я просто хотела убедиться, что ты снова не отравишься или что-то в этом роде, но...» она замялась, Аами поджала губы. «В итоге я всё услышала. Виновата.»

«Я ценю, что ты присматриваешь за мной. Но в следующий раз не делай этого, не предупредив меня, хорошо?»

«Да. Конфиденциальность, поняла. Я многому научился за эту неделю.»

Мы спустились по лестнице с четвертого этажа, и я снова надел своё Плетение. Ашран вернулся и окутал меня, словно второй слой кожи. Внизу, у лестницы, у входа расположилась пара шиссави, они выглядели гораздо более расслабленно, чем, когда я только прибыл сюда. Они повернули головы в нашу сторону, когда мы свернули за угол, и улыбнулись. Один из них, зеленолицый амарид в броне из живого дерева, улыбнулся и помахал рукой, когда мы подошли.

«Добрый день, мисс Аами,» - сказал он, прежде чем взглянуть на меня. Он сузил глаза: «Вы тащите с собой одного из алхимиков?»

«Ага! Мы с ним идём подышать свежим воздухом.»

«И вы не прервали какой-нибудь опыт, вытащив его из комнаты, полной активных материалов?»

«Нет. Я нашла его в коридоре.»

Охранник взглянул на своего спутника, и тот пожал плечами. Они обменялись кривыми усмешками, отпирая двери, чтобы выпустить нас. «В таком случае, удачной прогулки, мисс

Аами. И вам тоже, сэр алхимик. Не бойтесь мисс Чёрную смерть, хорошо? Она только один раз откусила кусок от стола. Люди в безопасности рядом с ней.»

Его собеседник рассмеялся, и Аами покраснела от их поддразниваний. Она толкнула мужчину, когда проходила мимо, но тот только сильнее рассмеялся, споткнувшись. «Забудь об этом!» - сказала она, сверкнув глазами. «Это всё потому что, кто-то пролил на него соус, а я думала, что ничего страшного!»

«Ничего постыдного, мисс. Я уверен, что фанера была вкусной.»

«Вы все ужасны.»

Я смотрел, моргая, как два охранника смеялись над ней. Они были дружелюбны. Они говаривали с ней с уважением, но не отстранённо. Скорее тепло, как со знакомым. И после очередной порции шуток Аами сдалась. Она высунула язык и потащила меня прочь.

«Хмф. Ни один из вас не приглашён на сегодняшний ужин!»

«Мы всё равно придём!»

Аами закатила глаза, её суровый взгляд превратился в улыбку. Она помахала им на прощание, и, когда солдаты вернулись на свои посты, я ещё раз взглянул на неё. Она изменилась. Она стояла прямо, и два её глаза смотрели вперёд, а не были устремлены в землю.

Я посмотрел вниз на руку, сжимавшую мою, затем снова на её лицо. Она выглядела счастливой. Я криво улыбнулся: «Ты была занята.»

«Конечно!» - засияла она. «Ты дал мне шанс завести друзей, поэтому я много работала.»

«Тяжело работать, когда тебя дразнят за то, что ты ешь стол?»

Она надула щеки и посмотрела на меня. Я рассмеялся. Оглядевшись, она повела меня прочь от барачков, в угол лагеря, где утром солдаты проводили учения. Это была ровная поляна, вся в зеленой траве и пятнах лысой грязи. Деревья выстроились вдоль склона скалы вдаль, а серые облака над головой затеняли лес, казалось, лишая осенние листья цвета.

«Куда мы идём?» спросил я, и Аами остановилась на самом краю поля, под желтолистным ясенем.

«Сюда,» - сказала она. Аами заняла место под тенью и похлопала по земле рядом с собой, приглашая меня сесть. «Ты всегда так погружаешься в работу, знаешь? Ты выглядишь очень уставшим.»

«Ну, ты же знаешь, что случилось.»

Вздыхнув с облегчением, я опустил на траву. Она была прохладной и мягкой, за пределами барьера воздух наполнялся запахом пропитанной дождем земли. Смертные чувства моего плетения наполнили меня. Расслабили меня. Я прислонился спиной к дереву и вытянул ноги, растянувшись на траве.

Аами сделала то же самое, напевая, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Дождь принёс холодный ветерок, который разбивался о барьер и обдавал нас холодом. Она толкнула меня локтем в бок.

«Я не хотела подслушивать, но хорошо, что я нашла тебя, когда ты дулся, верно?»

«Хмм... Я не знаю. Я немного завидую, что ты развлекалась, пока я был заперт в лаборатории с моей утомительной мамой. Я мог бы быть расстроен, именно из-за этого.»

«Может, тогда ты сыграешь песню? Я скучаю по твоей игре, а ты любишь это делать. К тому же, это может тебя подбодрить!»

«Хмф. Я расстроен. А расстроенным людям ничего не нравится.»

Закатив глаза, Аами потянулась ко мне с вымученной улыбкой. Она сняла чехол с кожаного ремешка моего бансури и открыла его. Внутри инструмент был изношен и потрёпан. Годы использования оставили отпечатки пальцев на тональных отверстиях, а дерево потрескалось и увяло по всей поверхности.

Он едва ли не разваливался, некачественная штука. Но он мой. И он был моим партнёром с тех пор, как отец сделал его на мой тринадцатый день рождения.

Аами протянула его мне.

«Но ты достаточно расстроен, чтобы отказаться?»

«Конечно нет.»

Я почувствовал, что улыбаюсь. Я взял бансури и посмотрел на него, на такой старый и потёртый. Странно, что прошло всего пять лет с тех пор, как я впервые получил его. Сейчас мне восемнадцать. Всего три года до совершеннолетия. И всё же временами я чувствую себя таким юным. Таким глупым и инфантильным.

Этот инструмент оставался единственным, что мне нравилось в этом ощущении. С ним я снова чувствовал себя ребенком, слушал "Поющее дерево" и песни из таверн дома. Он напоминал мне о хороших днях. Простых днях.

Моя ситуация сейчас была совсем не такой. Было приятно, когда что-то возвращало меня в то время. Я посмотрел на Аами.

«Какую песню ты хочешь, чтобы я сыграл?»

Она задумалась на мгновение, затем улыбнулась. Она прислонилась головой к дереву и закрыла глаза: «Расскажи мне о сегодняшнем дне.»

Я сделал небольшую паузу, затем кивнул. Я поднёс бансури к губам, почувствовав знакомое ощущение нижней губой над отверстием мундштука. Затем мои пальцы коснулись деревянных тональных отверстий, которые стерлись по форме кончиков моих пальцев. Казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как я играл в последний раз. Игра на бансури под деревом, как сейчас, возвращала мне к старым воспоминаниям – чему-то мягкому и ностальгическому.

Я и не подозревал, как сильно мне не хватало этого ощущения.

Закрыв глаза, я сделал вдох. Моё плетение запульсировало вокруг меня. Начало адаптироваться. Изменяться. Я Ашран, Мастер. Человек, чье имя означает "адепт". Человек с тремя лицами, каждое из которых - возможность. Будущее.

Помощь Странника предоставила мне кое-что, и это выбор. Возможность выбрать своё

будущее. Алхимия, кузнечное дело, музыка. Путешествия, смех и песни. Мне дали шанс выбрать.

И это был мой жадный, эгоистичный ответ. И моё плетение заплатило за свою свободу ценой бессилия.

Оно сделало меня смертным, лишив большей части моей сверхъестественной силы.

Я ни капли не пожалел об этом.

Мой облик изменился, чтобы отразить эту версию Ашрана. Теперь я был чисто выбрит и ясноглаз, мои волосы были уложены ниже, чем обычно. Они свисали в виде хвоста за спиной. Мой алхимический плащ разорвался, превратившись в тряпки, а моё достоинство академика улетучилось. Теперь я стал путешественником. Менестрелем, свободным от забот.

И чтобы оставаться им, я просто должен вести себя как он.

Итак, я исполнил песню о сегодняшнем дне. Сначала я не был уверен, как её начать. Но звуки пришли ко мне, как и всегда. Я тихонько вдохнул в мундштук, начав с далекого звука. Он был похож на взгляд через затопленный овраг и желание оказаться по ту сторону бурлящих вод. Это был бледный звук. Тусклый, светло-голубой. Настолько слабый, что почти бесцветный. Я подумал об отце, далеко-далеко. О нём одном в Фельзана. И о матери, такой далёкой, даже когда мы работали бок о бок.

Я думал о её жертвах. Я вспоминал её усталые глаза и морщинистое лицо и представил, как она уходит в ночь, уходит, не сказав ни слова. Оставив нас с отцом наедине, не имеющих возможности делать ничего, кроме как думать о том, как у неё дела.

Это был глубокий, фиолетовый звук. Тёмный и одинокий. Он заставил меня вспомнить тихие ужины и правую сторону отцовской кровати. Пустую. Неиспользуемую. Он напомнил мне о тех временах, когда я приносил лекарства лихорадящему отцу, а он в бреду спрашивал: наконец-то ли я вернулся домой? Вернулась ли наконец Элана? Я помнил, как мне приходилось отвечать "нет". Я помнил, его осунувшееся лицо, как он иногда сидел в своей кузнице, не в силах работать. Смотрел только на далекую, уходящую в гору дорогу, ожидая, когда силуэт поднимется по ступеням.

Это снова возмутило меня. Я закрыл глаза и нахмурился. Звук моей игры стал резким. Издевательским. Тонкое серебро, как острие ножа. Зазубренное стекло и игольчатые шипы. Он хотел резать. Он хотел причинить боль. Звук был бессловесной тирадой, спором, криком, желанием восстать против того, с чем я ничего не мог поделать.

А потом тёплая рука коснулась моей руки, и напряжение в пальцах ослабло. Я выдохнул.

Звук снова стал тихим. Мягким.

У меня не было слов, чтобы описать этот звук. Я знал только, что он создан для матери, со всеми её манованиями и призывами, её хватанием за всё подряд и отчаянными побегам. Её душераздирающим желанием достичь.

Но так и не получив желаемого.

Звук распространялся далеко. Он пронёсся по траве и земле, мимо рёва утопающих дождей и эха скрипов построенных друидами бараков. Но постепенно затих. Потускнел. Ослабел.

Он не достиг лаборатории, да я и не ожидал этого. Я опустил бансури, когда песня подошла к концу.

«Ну что ж,» - пробормотал я, чувствуя себя опустошённым. Я зарылся лицом в свои руки и вздохнул. «Вот что было сегодня.»

Аами кивнула. «Как-то удручающе.»

«Да.»

Она ткнула меня в бок, и я вздрогнул. Я посмотрел на неё.

«Прекрати.»

Она сделала это снова, её губы изо всех сил старались не расплыться в ухмылке.

«Аами, не надо. Я не собираюсь...»

Она снова ткнула в меня пальцем, и мне потребовалось всё, что у меня есть, чтобы сохранить серьёзное лицо. Со своего места она приоткрыла один глаз, посмотрела на меня и наклонилась вперёд. Ближе. Она поманила меня, тем же озорным взглядом. Я приблизился, стараясь не заразиться её глупой полуухмылкой.

Аами приблизила свои губы к моему уху и произнесла.

«Горох.»

Я сделал паузу, посмотрел на её глупое, ухмыляющееся лицо...

И мы вдвоем разразились смехом, как идиоты, которыми мы и были. Этот звук эхом разнёсся по всему тренировочному полю, шурша по листьям и грохоча по полым стволам деревьев. Он наполнил траву и больно ударил меня в живот, вытеснив воздух из легких, когда Аами обняла меня.

Мы растянулись на траве, смеясь. Она сжала меня один раз, затем отстранилась, одарив меня яркой улыбкой.

«Теперь тебе лучше?» - спросила она.

Улыбаясь, я посмотрел на неё и покачал головой: «Ты идиотка. Спасибо.»

«Это то, что необходимо было сделать, не так ли? Я появилась, когда во мне нуждались.»

«Да, это так.»

Я сел и ткнул её в щеку своим бансури. Я усмехнулся.

«Хочешь научиться играть?»

Лицо шоггота засветилось, даже больше, чем я думал. Она нетерпеливо мотнула головой, взяла бансури из моих рук и села рядом со мной. Аами поднесла его к губам и уставилась с восторженным вниманием. Забавляясь, я протянул руку вперёд и помог ей, поместив её пальцы в нужные тональные отверстия. Я сказал ей название ноты, затем следующей, и она поставила пальцы на них.

Я показал ей короткую последовательность, затем кивнул. «Хорошо, теперь попробуй сделать вот так, дую - медленно и ровно.»

Она попробовала.

Звук, который получился, был неровным и не в такт - резким и пронзительным. Она дула слишком сильно, и Аами поморщилась, смутившись. Я рассмеялся.

«Ещё раз.»

И она повторила. Ещё раз. Потом ещё три раза. И ещё. Каждый раз это было неловко. Каждый раз, когда она пропускала одну ноту, она портила следующую. Или даже повторяла прошлую ошибку. Каждый раз, когда это происходило, я смеялся над её смущенным выражением лица. И она присоединялась ко мне, хотя ей было стыдно. Я достал свою лютню и тоже заиграл. Присоединившись к ней.

«Ты ужасна, но это хорошо,» - сказал я, улыбаясь. «Потому что, когда ты разберёшься, ты станешь чувствовать себя ещё лучше. Давай играть, пока не получится, хорошо?»

«Да, но перестань смеяться!» - сказала она, ударив меня по плечу. «Ты просто издеваешься надо мной!»

«Считай это расплатой за то, что ты заставила меня чувствовать себя глупо из-за той шутки про горох. А теперь приступай к игре!»

Отступив назад, Аами отдала мне честь с кривой ухмылкой. Затем снова обратила своё внимание на инструмент. Наблюдая за ней, я сыграл ноту на своей лютне. Она повторила за мной. И между смехом, тыканьем и коверканьем звуков у неё начало получаться лучше. Всё ещё медленно и беспорядочно, но она играла. Я подстроился под неё.

И мы вдвоём исполнили нашу первую совместную песню.

Я не знаю, когда это произошло, но звук нашего веселья привлёк людей из лагеря после захода солнца. Солдаты, свободные от дежурства, несли столы из кухонь и расставляли их, ведомые вперёд маленьким, поваром амаридом. Они болтали и смеялись, собираясь возле нас, и подбадривая Аами, когда она пыталась учиться.

Её это явно смущало, но она улыбалась. Она была счастливее, чем я когда-либо видел её.

Я был рад, что у неё получилось. Что эти люди приняли её.

Но это не означает, что я не собирался повеселиться.

Встав, я взял Аами за руку. Я потащил её к центру собравшихся шиссави, между обеденными столами и запахом, кипящего рагу. Там, в центре, стоя с растерянной Аами, я усмехнулся и повернулся лицом к солдатам.

«Кто хочет послушать, как она поёт Рэнди путешественник по разломам!?»

Аами повернулась ко мне с ужасом, но шиссави только ревели, свистели и смеялись. Одна из них, без шлема, отделилась от толпы и крикнула нам издали. Судя по улыбке, которую она послала Аами, они были близки - они были друзьями.

«А кто не хочет!?»

Собравшиеся солдаты только сильнее зашумели, выкрикивая имя Аами, подначивая её, спеть одну из самых грубых кабацких песен в измерении. Девушка, о которой идёт речь, покраснела и посмотрела на меня, сжимая моё запястье.

«Роуэн, я клянусь...»

Я усмехнулся и поднял свою лютню.

«Меня зовут Ашран, и сегодня со мной выступает моя партнерша, К'таами! Прошу всех поаплодировать ей за первую из многих песен. Давайте поднимем бокалы!»

Я повернулся, играя на своей лютне, и отошёл от взволнованной Аами. Я улыбнулся ей. Благодарно. Радостно. Солдаты вокруг нас подняли свои бокалы.

«За лучшего человека на этой стороне измерения...»

Я сыграл аккорд и засмеялся.

«- Выпьем!»

<http://tl.rulate.ru/book/60551/1865974>